

## **ЗВУКОВОЙ «ПОРТРЕТ» КОРЕИ (НА МАТЕРИАЛЕ ПЕРЕВОДОВ С КОРЕЙСКОГО)**

*Е.Н. Филимонова*

### **SOUND PORTRAIT OF KOREA (ON THE MATERIAL OF TRANSLATIONS FROM KOREAN)**

*E.A. Filimonova*

#### **ABSTRACT:**

Various sounds and noises which accompany human life are analysed in the given article on the material of Korean fiction translations into Russian.

*Keywords:* sounds and noises produced by a person, sounds of a house, town, village, sounds of war; silence, music

*Ключевые слова:* звуки и шумы, производимые человеком, звуки дома, города, деревни, войны, тишина, музыка

Люди живут в мире *ЗВУКОВ*. *ЗВУКИ* – неизменные спутники человека. Мы слышим *ГОЛОСА* людей, животных, *ПЕНИЕ* птиц, *ЗВУКИ МУЗЫКАЛЬНЫХ ИНСТРУМЕНТОВ*, *ШУМ* леса, воды, а также *ЗВУКИ ГОРОДА*: движущийся транспорт, работающие машины и др. Звуки могут по-разному воздействовать на человека: раздражать, пугать, восхищать, успокаивать.

Данная работа посвящена звуковому «портрету» Кореи – описанию *ЗВУКОВ* и *ШУМОВ*, встречающихся в русских переводах с корейского, и является продолжением статьи, посвященной *ЗВУКАМ ПРИРОДЫ* (см. [Филимонова 2012: 39–56]).

#### **Звуки, издаваемые человеком**

Значительное место в литературе Дальнего Востока занимают *ЗВУКИ*, которые производят люди.

Естественно, что одно из центральных функций в системе *ЗВУКОВЫХ ОБРАЗОВ* выполняет *ЗВУК ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ГОЛОСА*, а также его оттенки, например, *ШЕПОТ* и *ШУШУКАНЬЕ*: «Куда ни сунься, всюду слышались *шепот* и *шушуканье*...»; «*Тссс...* Имсильский начальник! *Тссс...* Коксонский начальник!» – *шептались* вокруг» («Корейские повести» 1954: 176, 171); *БОРМОТАНИЕ*: «Миновав длинный проход, он попал в

помещение, где читают сутры, затем прошел на террасу – здесь к каждому столбу были прикреплены буддийские поучения, а с потолка свисали колокольцы. Из келий слышалось *бормотание* монахов» («Сон...» 1982: 628–629); НЕЧЛЕНОРАЗДЕЛЬНАЯ БЫСТРАЯ РЕЧЬ: «Министр суетится, как муравей, и *трещит, как цикада!*» (Ким Ман Чжун 1961: 331); КРИКИ: «К утру среди воинов появилось множество больных, в стане раздавались *крики*: “Воды! Воды!”» («Сон...» 1982: 270); ВОПЛИ: «В конце концов им удалось пробиться через стену огня и выбраться на дорогу, но не успели они сделать и десятка шагов, как сзади появились разбойники и *с воплями* бросились в погоню» (Там же: 261); ПЕНИЕ: «Она подняла голову и *запела*: *звук*, чистый и звонкий, задрожал в воздухе, словно натянутая струна под пальцами музыканта. Все замолкли, завороченные» (Там же: 693) и т. п.

Для усиления сказанного намеренно вставляются стереотипные речения гиперболического характера:

«...*закричали* они так *громко*, что казалось, *будто обрушились горы и реки, содрогнулись небо и земля...*» («Верная Чхун Хян» 1990: 108); «*Голос Сына Неба напоминал раскаты грома* – павильон задрожал, будто бумажный домик» («Сон...» 1982: 349).

В дальневосточной литературе при описании *ЗВУКА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ГОЛОСА* используются так называемые дополнительные «приметы», необходимые для создания законченного образа обладателя данного *ГОЛОСА*:

«*Голос* был *печален и нежен...*» («Сон...» 1982: 59); «Вдруг слышу за стеной *нежный женский голос*, такой *мелодичный, очаровательный...*» («История цветов» 1991: 501); «Ты помнишь его *голос*? Такой *мягкий, лучше, чем у дикторов*» (Кон Сонок 2011: 42); «*Хриплый голос* Чо Гёнгу резанул слух» (Ким Джэгю 1985: 318); «И тут на дороге слышался стук копыт, и *прогремел наводящий ужас голос*: – Стойте, негодяи!» («Сон...» 1982: 261) и мн. др.

Также часто применяется такой способ углубления *ЗВУКА*, как образные сравнения. При помощи образных сравнений описывается тембр человеческого *ГОЛОСА*. В основу этих сравнений легли различные образы из мира природы. В большинстве образных сравнений человеческого *ГОЛОСА*, отмеченных в дальневосточной художественной литературе, преобладают орнитологические мотивы.

Это *ФЕНИКС*: «*Фениксовый голос* его звенел, как яшма»; «...ее голос звон яшмы, подобный *пеню феникса...*» («Ссяньчхон кыйбонь» 1962: 28, 62); *ИВОЛГИ* и *ЛАСТОЧКИ*: «Вдруг слышу за стеной *нежный женский голос*, такой *мелодичный, очаровательный, словно трель иволги или ласточки*» («История цветов» 1991: 501); *СОЛОВЕЙ*: «...заговорила *соловьиным голосом*» (Ким Ман Чжун 1961: 198); *ЖУРАВЛЬ* и *ГУСЬ*: «Сом

Воль подняла на мгновения глаза, и будто сама собой полилась ясная песня: то журавль застонал в облаках...» (Там же: 76); «Хун... прополо-скала сладким вином нежное горло и запела – ...словно крик одинокого гуся в голубом небе над чистой рекой донесся до них...» («Сон...» 1982: 43), а также ПОПУГАЙ: «А уж говорит она, как луншаньский попугай!» («Верная Чхун Хян» 1960: 197).

В корейском стереотипном мышлении крики одинокого гуся и журавля считались эталонами красоты в мире ЗВУКОВ. Нелепым может показаться сравнение манеры говорить красавицы с попугаем. Для корейских читателей этимология этого образного сравнения может быть понятна в силу их начитанности, так как луншаньский попугай – попугай с гор Луншань, был воспет поэтами эпохи Тан как «хорошо говорящий» («Верная Чхун Хян» 1960: 649). Здесь стереотипы разных народов явно не совпадают.

ГОЛОС красавицы отождествляется с РУЧЕЙКОМ и ПЛЫВУЩИМ ОБЛАЧКОМ:

«Она читала, и голосок ее струился, будто плывущее облачко или текущий ручеек» («Повесть о Чёк Сёные» 1996: 140).

Красота ГОЛОСА девушки – это ЗВОН ЯШМЫ, НЕФРИТА и ЖЕМЧУГА:

«Она... сказала нежным, словно звон нефрита голоском...» («Верная Чхун Хян» 1960: 46); «Тогда Хун поднялась, склонила голову и начала голосом прекрасным, как яшма, читать стихи один за другим» («Сон...» 1982: 47); «...из девичьего горлышка полился голос, переливчатый и нежный, как окатный жемчуг» («Верная Чхунхян» 2003: 33).

Некоторые образные сравнения по-настоящему национально-специфичны:

«Шпилька! Шпилька! – крикнула Чхун Хян, и голос ее зазвенел, словно раскололи яшмовое блюдо, нарезая овощи» («Верная Чхун Хян» 1960: 42); «...завенел голос Чхунхян, будто коралловая шпилька раскололась о яшмовое блюдо» («Верная Чхунхян» 1990: 27); «Голос ее был чист и нежен, словно звон яшмы от удара кораллом» («Повести страны зеленых гор» 1966).

ГОЛОС красавицы ассоциируется со ЗВУЧАНИЕМ МУЗЫКАЛЬНОГО ИНСТРУМЕНТА:

«...видно голос она отняла у свирели, а мотив похитила у комунго» (Ким Ман Чжун 1961: 76).

ПЕНИЕ красавицы напоминает НАТЯНУТЮ СТРУНУ в руках музыканта:

«Она подняла голову и запела: звук, чистый и звонкий, задрожал в воздухе, словно натянутая струна под пальцами музыканта» («Сон...» 1982: 693).

*ГОЛОСА* красавиц настолько прекрасны, что схожи с ГОЛОСАМИ НЕЗЕМНЫХ СУЩЕСТВ, например, ФЕЙ:

«Но *голос* Чхуньян при этом *прозвучал* так нежно и сладостно, словно принадлежал *неземному существу, фее*» («Верная Чхуньян» 2003: 24).

Тоновый диапазон, силу, окраску и тембр *ГОЛОСА* певицы передают образные сравнения из мира природы:

«*Голос* певицы не знал усталости. Он *звучал* то *по-мужски мощно* и *величественно*, то *по-женски чисто* и *нежно*, то напоминал *грохот сорвавшегося с вершины камня*, то едва уловимый *шепот опадающих лепестков*, то *звонкий треск ломающегося под ногами первого осеннего ледка*. Иногда он был похож на *шум горной реки*, которая, оказавшись на равнине, течет тихо и плавно, иногда – на *веселый утренний щебет птиц*, сменивший рев ночной бури» (Ли Чхончун 2010: 250).

Образы, использующиеся для описания МУЖСКИХ ГОЛОСОВ, более мужественны:

«*Голос* его постепенно окреп, заполнил всю комнату, *загудел*, словно *колокол*» («Золотая птица Гаруда» 1994: 270); «...*два голоса*, один с востока, а другой с запада, слились в один... тот, что с запада, *звучал мужественно*, как *звонит меч воина*» («Сон...» 1982: 59).

Человек может издавать при помощи голоса *ЗВУКИ*, НЕ ОТНОСЯЩИЕСЯ К ЗВУКАМ РЕЧИ. Такого рода звуки отображены в дальневосточной литературе.

Это могут быть разного рода *СТОНЫ*: «Зять громко *застонал* от стыда и страха, однако толпа так галдела, что *стонов* его не слышала» («История цветов» 1991: 187); «Но внезапно Яну стало хуже, от боли он начал *стонать* и метаться» («Сон...» 1982: 270); *КАШЕЛЬ*: «Тут под окном раздался негромкий *кашель*: это Лянь Юй принесла Фее записочку» («Сон...» 1982: 505); *СКРЕЖЕТ ЗУБОВ*: «*Скрежеща зубами*, он бросился на Хун...» (Там же: 278); «Девочка по ночам ворочается и *скрипит зубами* во сне» («Золотая птица Гаруда» 1994: 93); *СМЕХ*: «Громкий девичий *смех* // перекачивается по воздуху...» (Чонг Хён Жонг 2000: 32); *РЫДАНИЯ*: «*Рыдания* ее напоминают бушующий *водопад Ёсан*» («Корейские повести» 1954: 133), производные от них *ВСХЛИПЫВАЮЩИЕ ЗВУКИ*: «При мысли об этом он почувствовал комок в горле и невольно *всхлипнул*» (Чхе Ин Хун 2002: 169), *ЗВУКИ ВТЯГИВАНИЯ НОСОМ ВОЗДУХА*: «Вспоминая о милом, я глотаю слезы, // *А нос мой морщится и // Шмыгает – хурурук!*» (Троцевич 2004: 164); *СВИСТ*: «Тут они оба взмахнули кнутами, *свистнули* – и кони понеслись» (Ким Манчжун 2010: 154); *НЕЧЛЕНОРАЗДЕЛЬНЫЕ КРИКИ*, например, от боли: «Больной при этом *кричал от боли...*» («История цветов» 1991: 172); *резкие отрывистые КРИКИ*, *ВОСКЛИЦАНИЯ* при преследовании, нападении, натравливании: «*Мани с гиканьем* погналы повозки в свой стан» («Сон...» 1982: 171),

ДРУГИЕ ЗВУКИ: «Тут мать Исопа издала звук, подобный звуку прыгающего мяча...» (Кон Сонок 2011: 23), МЕЖДОМЕТИЯ, «спонтанные, членораздельные звукосочетания» [Влахов, Флорин 1986: 318], служащие для выражения чувств и волевых побуждений, которые довольно часто используются переводчиками, так как такие корейские междометия, как *ай-гу*, *олсигу чолангу*, *ирра* и др. придают тексту перевода яркий национальный колорит: «– *Ай-гу!* Если так будет продолжаться нам беды не миновать, – нарушила гнетущее молчание Сюзанна...» («Тайное письмо» 1960: 133); «Посмотрите на Хынбу! Пустившись в пляс, он напевает: – *Ольсиго чоильсиго чотха! // Чихваджа чоильсиго! //* Слушайте, добрые люди!» («Братья Хынбу и Нольбу» 1990: 141); «Зычным голосом Пак Чем Ди запел: “*Ирра-а, ирра-а, ирра-а!* Эй, шевелись-ка, мой вол!”» (Ли Ги Ен 1958: 292).

Люди могут копировать различные звуки, некоторые из них отмечены нами в текстах переводов. Это подражание СОКОЛИНОМУ КЛЕКОТУ: «...во дворце человек *клекочет по-соколиному*... – Я слышал, сын государев *подражает соколиному клекоту*... Занятие это – недостойно наследника престола» («История цветов» 1991: 215), а также СВИСТУ СТРЕЛЫ: «...но та повернула коня и *присвистнула*, изображая звук *летащей мимо стрелы*» («Сон...» 1982: 278).

Человек издает какие-либо звуки, под воздействием разного рода эмоций. В дальневосточной художественной литературе нами зарегистрированы *ЗВУКИ* и *ШУМЫ*, производимые человеком в определенных *ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ СОСТОЯНИЯХ*. Среди них:

– УДИВЛЕНИЕ: «Она так и *ахнула*» («Корейские повести» 1954: 161);

– РАДОСТЬ: «*Крики радости* сотрясали воздух»; «Ян и Фея прибыли домой вместе, родители и слуги радостно встретили обоих, обнимали, *ахали*, не скрывая радости от того, что видят Фею живой и невредимой» («Сон...» 1982: 273, 495);

– УДОВОЛЬСТВИЕ: «Услыхав имя Чхунхян, юноша *прищелкнул от удовольствия языком* и улыбнулся» («Корейские повести» 1954: 81); «И вдруг, *захлопав в ладоши*, громко *расхохотался*» («История цветов» 1991: 132);

– ВОСХИЩЕНИЕ, ВОСТОРГ: «Рыбак схватил острогу, нырнул и поплыл, словно кит, рассекая волны, – ни дать, ни взять по земле пошел. Все *зацокали от восхищения*»; «Правители северян и их воины *заахали от восторга*» («Сон...» 1982: 300, 472);

– ДРУЖЕСКОЕ РАСПОЛОЖЕНИЕ: «Если это так, – удивилась Фея, – то почему же друзья хватают друг друга за руку, *хлопают по плечу*, а в разговоре мелют глупости?» («Сон...» 1982: 503);

– ВОЛНЕНИЕ: «Сняв шляпу и замочив тесемки в воде, *звенящим от волнения голосом* продекламировал он такие стихи...» («История цве-

тов» 1991: 281); «Нахмурив брови, она на минутку присела, но тут же вскочила, в волнении наступив на подол юбки, который *с треском разорвался*» («Корейские повести» 1954: 103);

– ПЕЧАЛЬ, ТОСКА И ГОРЕ (для описания такого рода эмоциональных состояний зачастую используются стереотипные речения гиперболического характера): «Он *рыдал так громко*, что казалось, будто *померк свет солнца и луны, опечалились травы и деревья*» («Повесть о Чёк Сёные» 1996: 83); «В печали, например, всегда плачут, а траур по смерти начинают *с тоскливого крика* “О-о!.. *Горестный крик, оглашающий все пространство между небом и землей, можно сравнить с раскатами грома*”» («История цветов» 1991: 523);

– ОБИДА И РАЗОЧАРОВАНИЕ: «Девушка схватила настольное зеркальце, потом сорвала со стены большое зеркало, в котором можно оглядеть фигуру во весь рост, и *с грохотом* швырнула их об пол. Вслед за зеркалами на пол полетели, *шумно разлетаясь* в разные стороны, четыре друга кабинета ученого: тушь, бумага, кисть и приборчик для туши» («Корейские повести» 1954: 103);

– ДОСАДА: «Раздосадованный Нольбу *с бранью* набросился на Заячью Губу» («Верная Чхунхян» 1990: 165); «Император... *хлопнул яшмовой ладонью по столику...*»; «Бань и Го даже руками начали *колотить по доске с досады*» («Сон...» 1982: 365, 564);

– ЗЛОБА: «Каково, по-вашему, *скрежетать зубами*, изображая злобу и ненависть к нашему славному Хун Хунь-то?! Но разве я плохо сыграл свою роль?» (Там же: 209);

– ГНЕВ: «Схватив ложки и палочки для еды, он принялся что есть силы *колотить* ими *по столу*... Он с силой *ударил по столику ногой*»; «С *треском* открыл взбешенный Нольбу комод...» («Верная Чхунхян» 1990: 151, 173); «Император *ударил кулаком по подлокотнику трона* и грозным голосом спросил, кого князь называет клеветниками» («Сон...» 1982: 348);

– НЕНАВИСТЬ: «Эта ненависть не та, что *вызывает зубовный скрежет*, она более спокойная и зрелая» (Чхе Ин Хун 2002: 76).

Человек производит определенные **ЗВУКИ ПРИ ХОДЬБЕ**:

«...и тут вдруг слышались *звуки шагов*» (Ким Манчжун 2010: 69); «Он тяжело вздохнул и, *шаркая усталыми ногами*, прошел в комнату» («Золотая птица Гаруда» 1994: 267); «...Док Ки тронулся в путь, *шлепая по вязкой дороге*»; «Под ногами *трещали сухие ветви*, заставляя невольно вздрагивать» (Пак Ун Голь 1962: 247, 121); «Пхилле уходила от нее, *звонко постукивая каблучками*» (Кон Сонок 2011: 211).

Человек или какая-либо часть его тела издает **ЗВУКИ**, сопровождающие какие-либо **ФИЗИОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ** (*дыхание, храп* и др.):

«Ее прерывистое дыхание напоминало порывы осеннего ветра...» («Верная Чхунхян» 1990: 200); «В полночь от притворился спящим и захрапел» («История цветов» 1991: 143); «Чхунун собралась его порасспросить, но Ян уже заснул, и нос его зарокотал раскатами грома» (Ким Манчжун 2010: 88); «Он затянулся, и что-то у него запищало, как мышонок» (Верная Чхунхян 1990: 96); «К тому же то и дело шмыгает носом» («Корейские повести» 1954: 161); «Впрочем, даже во время боевых действий пустой желудок напомнит у себе – время обеда давно прошло»; «...от пива у нее началась отрыжка» (Кон Сонок 2011: 179; 185); «Но еще в дороге у него вдруг так сильно забурчало в животе, что он еле терпел и с трудом добрался до дома» («История цветов» 1991: 128); «Тут Кильдон насыпал незаметно в рот песку, жует, – а песок так и хрустит у него на зубах» («Корейские повести» 1954: 48); «...она с легкостью осушила бокал и принялась за арахисовые орешки, поданные к пиву, причем уничтожала их с хрустом, даже не снимая шелухи» (Кон Сонок 2011: 183).

Человек производит ЗВУКИ при помощи различных ПРЕДМЕТОВ:

«Певицы обоих домов наперебой устремились вперед, и звон их нефритовых подвесок напоминал журчание ручья...» (Ким Манчжун 2010: 162).

ЗВУКИ возникают в результате УДАРОВ чего-л. обо что-л. Подобные звуки отмечены нами в художественных переводах с корейского:

«Князь и все женщины рассмеялись. Тут за оградой послышался стук посоха, и вскоре на террасу поднялся старый Ян» («Сон...» 1982: 523); «Тут сановник хлопнул по ширме мухоголкой и воскликнул...» (Ким Манчжун 2010: 75); «Слуга легонько хлопнул осла кнутом и стал ждать дальнейших приказаний» («Корейские повести» 1954: 78); «Стал Чжа Гён кричать, затем колотить в дверь – никто не откликнулся» («Феи Алмазных гор» 1991: 123); «Вдруг послышались ритмичные удары ладони по кувшину, и Хун запела...»; «Она запела, постукивая по борту лодки» («Сон...» 1982: 602; 604); «Удары молотка по стамеске острой болью отдавались в голове» (Ким Джэгю 1985: 318).

В переводах нашли отражение и ЗВУКИ УДАРОВ:

«Юесян рванула рукав и начала бесноваться. Тогда княжич одной рукой схватил ее за волосы, а другой ударил по щеке так, будто бамбук пополам расщепили» («Записки...» 1985: 177); «...лейтенант дал Док Ки звонкую пощечину...» (Пак Ун Голь 1962: 247).

Люди издают ЗВУКИ при помощи МУЗЫКАЛЬНЫХ ИНСТРУМЕНТОВ:

«Несколько десятков учеников монаха, колотя в барабаны и железные плошки и напевая сутры, с горестными воплями следовали за процессией» («История цветов» 1991: 141); «Появление Моннена было

встречено *звуками придворной музыки...*»; «Раздался удар *гонга*, забил *барабан*, заиграла *труба*» («Корейские повести» 1954: 143, 178).

Определенное место в произведениях занимают *ЗВУКИ*, связанные с разного рода *ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ ЧЕЛОВЕКА*, иногда профессиональной, занятиями и увлечениями человека:

«Корабль вышел в открытое море... откуда-то *доносится серебряный звук*, словно *гудит рожок рыболовного судна*. Звук умолкает, но людей нигде не видно, лишь зеленеет вокруг вода да жалобно *скрипят снасти*» («Верная Чхунхян» 1990: 225); «Из операционной доносился методичный *стук молоточка*» (Ким Джэгю 1985: 319); «Вначале до него доносился лишь *шорох бумаги*; в кабинете уже зажгли свет» («Золотая птица Гаруда» 1994: 25); «Но тотчас отовсюду *звучит* над ним *крик* быстрокрылого *сокола*, или ловчий с дубинкой то вспугнет его *шумом*, то с места поднимет...» («Корейские повести» 1954: 22).

В переводах с корейского описываются *ЗВУКИ* и *ШУМЫ*, которые производят *ПРЕДМЕТЫ*, иногда повреждаясь, ломаясь, как правило, в результате действий человека или животного:

«Он обнял ее – платье смялось и *зашиуршало*» («Золотая птица Гаруда» 1994: 211); «Столик рухнул, *загромыхали соусники*, *зазвенели осколки тарелок* и *чашек*, *дробно застучали* по полу ложки и палочки, во все стороны побежали ручейки бульона» («Верная Чхунхян» 1990: 151); «Услыдав такое приказанье, подручные ревизора кинулись с дубинками в самую гущу пирушки и начали крушить все вокруг. *С громом и грохотом* летели обломки парчовых и вышитых ширм, ширмы с нарисованными на них реками и горами, большие столы на десять персон, тазики для полосканья рта после принятия пищи, плевательницы, круглые бронзовые подносы, тарелки, сосуды с вином и прочая посуда. Падали на пол разлетевшиеся на куски двенадцатиструнные цитры, цимбалы, шэны, флейты, хуцини, большие и малые барабаны»; «Раздался *треск обломившейся палки*, *похожий на удар грома в майскую или июньскую грозу*» («Корейские повести» 1954: 177, 129); «...благоухание наполнило улицы, и потерянные шпильки и оброненный жемчуг падали прямо под копыта коням и *хрустели* в темной пыли» (Ким Манчжун 2010: 162).

### Звуки дома

Каждый дом наполнен многочисленными *ЗВУКАМИ*, не является исключением и корейский дом. *Бытовой шум* – это и скрип дверей, *ШУМЫ*, исходящие от различных предметов домашнего обихода, начиная с кухонной посуды, ножниц и заканчивая такими домашними инструментами, как пила и топоры. Все эти звуки, а также звуки, идущие с улицы,

представляют собой нагромождение беспорядочных, хаотичных сочетаний звуков – какофонию.

«ДОМАШНИЕ» ЗВУКИ в дальневосточных литературных произведениях, как правило, связаны с внешним и внутренним строением корейского дома.

К так называемым «ВНЕШНИМ» ЗВУКАМ можно отнести БОЙ КОЛОКОЛОВ. БОЙ КОЛОКОЛОВ в буддийских храмах Кореи сообщает о начале и конце дня, а также является символом избавления от страданий и забот уходящего дня и обретения равновесия и душевного покоя. По представлениям корейцев, услышавшие ЗВУКИ КОЛОКОЛА, испытывают необычайное чувство просветления и умиротворения. ЗВУКИ КОЛОКОЛОВ нашли отражение в корейской литературе, для передачи этих звуков используется ономотопея «тэн-тэн»:

«Тут как раз прозвенел колокол: «Тэн! Тэн!» («Верная Чхун Хян» 1990: 102).

Среди «ВНЕШНИХ» ЗВУКОВЫХ ОБРАЗОВ и КОЛОКОЛЬЧИКИ, висающие на кровлях буддийских храмов, а также домов, которые раскачиваются при малейшем порыве ветра, наполняя окружающее пространство нежным мелодичным ЗВОНОМ. Одновременно КОЛОКОЛЬЧИКИ служили защитой святилища от проникновения злых духов, входили в состав ритуальных предметов, которые использовались в религиозных обрядах:

«Всюду высокие и просторные хоромы, на крышах по углам висят колокольчики, позванивающие от порывов ветра» («Верная Чхунхян» 1990: 149).

«ВНЕДОМАШНИЕ» ЗВУКИ – это ШУМ БАМБУКОВОГО ЛЕСА, а также ГОРНОГО РУЧЬЯ, расположенных недалеко от дома:

«За их домом шумит бамбуковый лес»; «И вообще, это самое безлюдное место во всей деревне, выходящее к ущелью, по дну которого струился ручей. Только отсюда было отчетливо слышно его звонкое, громкое журчание» (Кон Сонок 2011: 169, 197).

УЛИЧНЫЕ ШУМЫ представлены звуками разного рода транспорта:

«Скипают повозки с углем мимо богатого дома с черепичной крышей...» (Пак Ун Голь 1962: 32); «...раздался звук автомобильного гудка, мимо них промчалась машина» (Тэ Мен Хи 1966: 37); «...у дома, за скрипев тормозами, остановились американские джипы» (Ким Джэгию 1985: 284); «Пару раз за ее спиной просигналил клаксон – Пхилсун затрясло от этого звука»; «Исоп захлопнул дверцу такси» (Кон Сонок 2011: 175, 189).

С работой по дому связаны ЗВУКИ, производимые ДОМАШНИМИ ИНСТРУМЕНТАМИ:

«Чак-чак! – стучат топоры по стволам» (Сон Хён 1994: 62); «Взвизгнула последний раз пила...» («Верная Чхунхян» 1990: 184); «Пак

Чем Ди громко запел: *Шрыы-рын, шрыы-рын, сук-сак!* // Новая тыква распилена» (Ли Ги Ен 1958: 71).

Наличие национального колорита в таких звукоподражаниях, как звук пилы (*шрыы-рын, шрыы-рын, сук-сак*) и звук, вызванный ударом топора о дерево (*чак-чак*), сближает их с экзотизмами. Следует заметить, что подобные, по выражению С. Влахова и С. Флорина, «фонетические изображения нечленораздельных звуковых явлений» подаются в произведениях так, «как их слышат все члены данной языковой общности» [Влахов, Флорин 1986: 315, 316].

Так называемые «ОКОЛОДОМАШНИЕ», или «ПОГРАНИЧНЫЕ», ЗВУКИ включают в себя и такие, как ПОЗВЯКИВАНИЕ ЗАСОВА, СКРИП КАЛИТКИ и КАЧЕЛЕЙ в саду: «Кажется, звякнул засов. Или скрипнула калитка. Кто-то пришел? Или это качели скрипят?» («Золотая птица Гаруда» 1994: 235), ЗВУКИ САМОГО ДОМА: «Доски этого дома, который построили совсем недавно, высохли и издавали *шуршащие звуки*» («Клуб фантазий» 2011: 61).

ДВЕРИ и ОКНА являются своеобразной «границей», отделяющей УЛИЧНЫЕ ЗВУКИ от сугубо ДОМАШНИХ:

«Вдруг сильно *постучали в дверь*»; «Вдруг *дверь* тихо *скрипнула*, и в комнату осторожно вошел комендант общежития» (Ким Джэгю 1985: 318, 12); «Он снова поднял руку и нервно принялся *терзать кнопку звонка*»; «...он снова нажал на кнопку..., вслушиваясь *не щелкнет ли замок*»; «В сердцах *захлопнул дверь*...» («Золотая птица Гаруда» 1994: 263, 264, 266); «Сухие ветви *скребут по стеклу*»; «Сухие листья *шуршали о стекло окна*... Еще немного и никаких звуков не будет слышно, даже этого *шуршания*. *Тихо-тихо*. Придется жить одному» (Чхе Ин Хун 2002: 175, 169).

«ВНУТРИДОМАШНИЕ» ЗВУКИ можно условно разделить на несколько групп:

– звуки, связанные с ПРИГОТОВЛЕНИЕМ И ПРИЕМОМ ПИЩИ: ЗВОН ПОСУДЫ: «Из кухни доносился *звон посуды*, там начали готовить ужин Хусон и Гу Бонхи» (Ким Джэгю 1985: 193); «Бурча себе под нос, она принялась наводить порядок в комнатах, *загрохотала грязной посудой*, которую не успела вымыть после завтрака» (Кон Сонок 2011: 159); «А *горшок треснул* либо потому, что был слишком сильный огонь, либо в нем выкипела вся вода»; «...*горшок* снова, *издав звук*, похожий на *мычание вола*, раскололся надвое» («История цветов» 1991: 97); УДАРЫ ПЕСТИКА О СТУПУ при приготовлении теста для рисового хлебца-ттока: «Цзян Тайгун из камня сделал ступу. // *Ттольккудон* – по ней *ударит пестик*, // *Ттольккудон* – в ушах твоих раздастся...» («Верная Чхун Хян» 1990: 49); СТУК ЛОЖЕК во время еды: «Скоро *стук ложек* утих, видимо, гости завершили свою трапезу» (Кон Сонок 2011: 159); ЗВОН РЮМОК:

«Радостно зазвенели сдвинутые *рюмочки* Ким Ёнху, Сим Исопа и женщины по имени Ёнлан» (Там же: 227, 231, 32); чирканье спички: «Тхэ Ха... вытащил спички и *чиркнул*» (Пак Ун Голь 1962: 52);

– звуки, издаваемые таким РУЧНЫМ ИНСТРУМЕНТОМ, как НОЖНИЦЫ: «...слышно торопливое *позвякивание ножниц...*» («Золотая птица Гаруда» 1994: 217);

– звуки, которые производят различные *ДОМАШНИЕ ПРИБОРЫ* и *УСТРОЙСТВА*: ТРЕСК ДРОВ в печи: «С самого детства, она сейчас впервые разжигала огонь в печи. Прислушивалась к *треску горящих полешек* – *так-дак-трак-дак* – этот звук утешал ее душу» (Кон Сонок 2011: 153); ЗВУК КАПАЮЩЕЙ ВОДЫ ИЗ КРАНА: «Он прислушался: *звук шел из ванной... просто капает вода из крана*» («Золотая птица Гаруда» 1994: 273); ЗВУКИ РАБОТАЮЩЕЙ ШВЕЙНОЙ МАШИНЫ: «Как всегда поутру, когда Хансу был в школе, Пхилсун в одиночестве строчила на швейной машинке. *Грохот*, производимый ее “техникой”, был слышен всему перулуку» (Ким Сонок 2011: 55); ЗВОНОК БУДИЛЬНИКА: «Хо Гванчже, как обычно, зашел в кабинет отца, завел *будильник* на его письменном столе» (Там же: 277); БОЙ КОМНАТНЫХ ЧАСОВ: «Комнатные *часы пробили* одиннадцать. *Тан! Тан!*!» (Кан Гён Э 1955: 179), а также ТЕЛЕФОННЫЙ ЗВОНОК, ЗВУКИ РАДИО, ТЕЛЕВИЗОРА и ХОЛОДИЛЬНИКА: «...вдруг тишину одновременно нарушили *голос деревенской радиоточки*, начавшей вещание из местного дома собраний, и *телефонный звонок*»; «...в комнате молча сидят люди, *слышно* только, как *работает телевизор*» (Кон Сонок 2011: 233, 13); «По телевизору продолжались новости, и лишь *холодильник* время от времени *подавал голос...*» (Ын Хигён 2010: 51–52).

– звуки, ассоциирующиеся с *ВРЕМЯПРЕПРОВОЖДЕНИЕМ ХОЗЯЕВ* дома: ЗВУК СТАЛКИВАЮЩИХСЯ ФИШЕК при игре в чанги (корейские шахматы): «Когда затихал *звук сталкивающихся фишек* “*тук-так, тук-так*”, подавалась вкусная лапша» (Ким Ён Чоль 1991: 16).

Дом – это и его жители. Именно они издают многие *ЗВУКИ*:

«Дом переполнен детьми. *В эдаком гвалте* Соран ничего не ела, только спала постоянно» (Кон Сонок 2011: 167).

## Город

Разнообразны *ЗВУКИ КОРЕЙСКИХ ГОРОДОВ*. Некоторые из них описываются в литературе. Это и ГОЛОСА живущих и работающих там ЛЮДЕЙ: «А по городам и селам все еще *трещали барабаны* и *дудели дудки* – *глашатаи созывали* народ, чтобы объявить решение государя» («Черепашков суп» 1970: 212); «*Кричал* за окном *лудильщик*: // Лужу и чиню посуду!» («Бамбук в снегу» 1978: 231); «Хозяин, купите крабов! Эй, торговец, о чем ты там *кричишь?*» (Троцевич 2004: 118); ЗВУКИ КОЛОКОЛОВ, ОТМЕРЯЮЩИХ ВРЕМЯ: «Тускло светит луна, огни в домах по-

гашены, изредка *звонит колокол*, отмечающий смену страж, и, по всем признакам, минская сила спит крепким сном» («Сон...» 1982: 649); разного рода «ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ» ЗВУКИ, например, звуки РАБОТАЮЩЕЙ ШАХТЫ: «За окном всегда слышался *скрип лебедок*, доносились глухие *вздохи копра и перезвон вагонеток*. Она привыкла к размеренному ритму шахты»; «На шахте *взрыв газа*» (Пак Ун Голь 1962: 171, 26); ГУЛ СТРОИТЕЛЬСТВА: «*Гул стройки* доносился до перевала»; «Сверкающая искрами сварки панорама строительства напоминала поле сражения. *Шум бетономешалок, шуриание движущихся лент конвейера, треск автогенной сварки, удары молота, лязг лопат* – все это наполняло *грохотом* обширную территорию»; «Она поднялась еще выше – с последнего яруса *доносился* несмолкаемый *дробный стук молотков*, вспыхивали огни электросварки» (Ким Джэгю 1985: 9, 173, 257); ГУДОК НА ОБЕД: «В это время раздался *гудок*, извещающий об обеденном перерыве» (Там же: 257); ЗВУКИ АВТОМОБИЛЕЙ: «*Резкий автомобильный гудок* оборвал мысли Чон Ок» (Пак Ун Голь 1962: 245).

*ШУМ* и *ГАМ* восточного базара отражены в тексте перевода:

«Они возвратились на базарную площадь... Сновали туда-сюда *с криками* люди. Кто-то гнал коров, кто-то нес на спине дрова... – и все вокруг *болтали, смеялись*, хватали друг друга за шиворот и дрались, что-то ели и *плакали*... И среди этого *бурлящего* и *жужжащего*, словно *пчелиный рой, шума и гама* неуверенной поступью, склонив голову, брела мать Сури» (Ким Донни 2010: 11).

В портовых городах *ЗВУКИ* имеют свою специфику. Географический образ предельно конкретен – корейский город Инчхон:

«Ему представилось, что они с Юнай опять в Инчхоне, наверху памятной сопки, откуда открывается величественный вид на море... На море белеют паруса. *Суда подают голос протяжными гудками*» (Чхе Ин Хун 2002: 194–195).

*ЗВУКИ* возникают в условиях такой чрезвычайной ситуации, как пожар:

«На крыше горевшего дома неистово *трещала* *лопавшаяся черепица*» (Пак Ун Голь 1962: 241); «Маленький сын не мог знать, что поздней ночью отец, заняв его место на веранде, долго-долго стоит в темноте, глядя вниз на пожарные машины. Казалось, тень Ёну, стоящего в темноте, ждет момента, чтобы спрыгнуть сверху вниз на красные крыши машин, когда они *с громкой сиреной*, извещающей о беде, разбудив спящий мир, помчатся по ночным улицам» (Ын Хигён 2010: 53).

### Деревня

Для *ДЕРЕВНИ* характерны *ЗВУКИ*, издаваемые различными *ЖИВОТНЫМИ*. Среди них *ДОМАШНИЕ*: «Из далекой деревни донесся *крик пету-*

ха...» («Корейские повести» 1954: 139); «Ночь наступила в горной деревушке. // *Залаяла собака* вдалеке» («Бамбук в снегу» 1978: 121); «Джип Исопа стоял на прежнем месте, как и днем. Однако ни одного звука, издаваемого человеком, до Пхилсун не доносилось – слышно только *живность*. Время от времени *шевелились домашние животные* Чон Пёнсун. Вот *заурчала мамаша-собака* – ей в ответ *раздалось щенячье кряхтенье*. *Сухой шум хлопающих крыльев* – это *куры и петухи*, запутавшись во сне, стараются удержать равновесие, чтобы не свалиться с насеста. *Тихое стрекотание ночных насекомых...* Холодно» (Кон Сонок 2011: 133), а также ДИКИЕ: «Селение Огонь приютилось среди высоких гор, в которых *выли волки и шакалы*, рыскали тигры и барсы» («Сон...» 1982, 209); «Как только слышится *пение лягушек*, я тотчас возвращаюсь в свое детство; перед глазами открывается пейзаж деревни» (Чонг Хён Жонг 2000: 11).

К *ДЕРЕВЕНСКИМ* относятся и ЗВУКИ РАБОТАЮЩЕЙ МЕЛЬНИЦЫ: «...издалека доносился *шум воды*, вращающей мельничное колесо» (Те Мен Хи 1966: 66); ЗВУКИ ПОБЕРЕЖЬЯ И ШЕЛЕСТ БАМБУКА: «*Дули ветра*, и оттуда из зарослей явственно *доносились звуки побережья*: в этой горной деревушке колышущиеся в ветреную погоду *стебли бамбука издавали поразительно чистый и ясный звук морской волны*» (Кон Сонок 2011: 73); ЗВОН МОНАСТЫРСКОГО КОЛОКОЛА: «И тут ветер донес до них *звон колокола*. – Это же *монастырский колокол!* – обрадовалась Цзя. Они поехали *на звук* и вскоре увидели обитель. Придворная дама узнала монастырь» («Сон...» 1982: 397), КОЛОКОЛА НА ДЕРЕВЕНСКОЙ ЦЕРКВИ: «Казалось, только недавно *звучал* предрассветный *колокольный звон* в ближайшей церкви – и вот уже встало солнце» («Золотая птица Гаруда» 1994: 11), а также ЗВУКИ КРЕСТЬЯНСКИХ ПЕСЕН: «Но *крестьянские песни* все же сохранились, их можно услышать даже в наше время: *мелодии* их невеселые и монотонные, *ритм* быстрый и сложный, в них много недосказанного и мало открытого всем. По ним можно было бы изучать обычаи и нравы простых людей, но очень уж они немногословны; в них прославляются верность и долг, хотя и бывают кое-какие вольности. Они напоминают *песни* иных веков, к примеру, конца эпохи западного царства Чжоу» («Сон...» 1982: 590–591); «С залитых весенним солнцем полей в открытые окна автобуса *доносились незатейливые песни крестьян*, готовивших землю к новому урожаю» (Ким Джэгю 1985: 115), ЗВУКИ ПЕСЕН РЫБАКОВ, МУЗЫКАЛЬНЫХ ИНСТРУМЕНТОВ: «*Рыбачья песня*, и *свирели звуки*, // И *голос ветра* – все слилось в одно»; «*гомон деревенских ребятишек*: “Давай, давай!” – кричат мне *ребятишки*, // И радуемся, и смеемся мы!» («Светлый источник» 1989: 365, 367).

Разнообразие «*ДЕРЕВЕНСКИХ ЗВУКОВ*» отражено в следующих отрывках:

«Посмотрите на деревушку – она по-прежнему *полна звуками жизни*, как и раньше, *шумит листва в зарослях бамбука*. Солнце светит, *дети играют на площадке*, старики собираются там, где посветлее, *самолеты пролетают*, рисуя в небе вытянутые овалы» (Кон Сонок 2011: 175, 247); «Огород уже был полностью вскопан папашей Порам. Хансэн вскопал все хорошо и аккуратно. Пхилсун рассаживала семена по границе участка, а *птицы весело пели “хор-рынг, бедчонг, хор-рынг, бедчонг”*. Дети *заливисто смеялись*, словно *подражая пению птиц*» (Кон Сонок 2011: 247).

### Звуки войны

В корейской литературе есть свой арсенал *ЗВУКОВ ВОЙНЫ*. Там нашли яркое отражения разные звуки и звуковые эффекты, присущие войнам, их можно условно разделить на несколько групп.

Наиболее значимыми оказались *ЗВУКИ, СВЯЗАННЫЕ С ОРУЖИЕМ*, различными устройствами и средствами, применяемыми для уничтожения живой силы противника в разные исторические периоды, также различной техникой. Это и *МЕТАТЕЛЬНОЕ ОРУЖИЕ* (лук, предназначенный для стрельбы стрелами): «*Грохот сражения* сотрясал небо и землю, камни и *стрелы* дождем сыпались на головы минов» («Сон...» 1982: 290); *ХОЛОДНОЕ ОРУЖИЕ*, используемое в Древней Корее для ведения рукопашного боя, среди которого *РУБЯЩЕЕ*: «Теперь ничего не было видно. Только *звон мечей* да цокот копыт слышались в тумане» (Там же: 217); *КОЛЮЩЕЕ*: «*Пика* Дун Чу *свистела*, как ветер, конь летал, словно молния, и не находилось никого, кто мог бы остановить лихого богатыря» (Там же: 419); «Хун опустила мечи и стала как вкопанная, а хан выкатил глазища, издал громopodobный рык и швырнул свое *копье*. *Горы содрогнулись*, небо *чуть не треснуло от свиста копья*, но оно поразило воздух и впилося глубоко в землю, потому что Хун исчезла без следа, только *звон мечей* донесся откуда-то сверху» («Сон...» 1982: 450); *СТРЕЛКОВОЕ ОРУЖИЕ*: «...*щелкают винтовочные выстрелы*» (Ким Джэ-гю 1985: 279); «Совсем близко *застрекотал пулемет*» (Пак Ун Голь 1962: 229); *ОГНЕСТРЕЛЬНОЕ ОРУЖИЕ*: «Ян приказал подвезти *пушки* и начать обстрел крепости железными ядрами величиной со скалу. *Горы и реки, земля и небо дрожали от грохота пушек и ударов ядер*. На десять ли в каждую сторону исчезли все до единой птицы и звери»; «И вдруг под землей раздался *страшный взрыв* – огромный столб пламени взметнулся ввысь, словно со всех двенадцати сторон света *загрохотали пушки*, из жерл которых, *сотрясая землю и небо*, полетели по всем направлениям раскаленные ядра» («Сон...» 1982: 227, 437); *РАЗРЫВНЫЕ СНАРЯДЫ*: «С первых же дней войны, когда шахту стали *бомбить*, они оба перебралась под землю»; «*Канонада сотрясала землю и воздух...*»

(Пак Ун Голь 1962: 19, 74); ВОЕННАЯ ТЕХНИКА: «До ремонтных мастерских оставалось десять ли, когда в небе послышался гул мотора. Самолеты развернулись и пошли на снижение прямо над головой Тхэ Ха. В стороне мастерских *послышались глухие разрывы*, из-за сопки в небо поднялся столб черного дыма» (Там же: 51).

Вторая группа представлена разного рода *ЗВУКАМИ*, связанными с *ВОЕННЫМИ ДЕЙСТВИЯМИ*, подготовкой к ним, а также *ЗВУКАМИ, ИЗДАВАЕМЫМИ ЛЮДЬМИ*, участниками сражений или просто случайно оказавшимися на месте событий людьми в минуты наиболее глубоких эмоционально-психологических переживаний. Среди них отмечены ЗВУКИ ПЕРЕДВИЖЕНИЯ ВОЙСК К МЕСТУ БОЕВЫХ СРАЖЕНИЙ: «Со всех сторон с шумом и грохотом, от которых *дрожали земля и небо*, шли воины Яна»; «Полководец снова поднялся на возвышение, приказал раздать воинам деньги, полученные от императора, велел накормить войско и отправляться в поход. И вот *загрохотали барабаны, заревели рожки*, заколыхались, затмевая солнечный свет, знамена, и стройными рядами, *сотрясая землю и небо*, двинулись войска. Молодые, сильные воины выходили из ворот, а старики, которые только и оставались в городе, провожали их *восторженным шумом*. Слышались *возгласы*: – Хорошего начальника выбрал император, вон как вышагивают воины! Нечего нам теперь бояться!» («Сон...» 1982: 169, 134–135); их ПЕРЕГРУППИРОВКИ: «*Под бой барабанов* войска перестроились трижды и образовали четырехугольник. Тосе и Маленькая бодисатва подняли паруса на своих судах, повелели *бить в барабаны и наступать*» (Там же: 300); САМОГО СРАЖЕНИЯ: «Хун опять велела *бить в барабаны*, – и началась рукопашная схватка. Девятьсот минских воинов западной стороны в построении “металл сильнее дерева” бросились на варваров восточной позиции, три тысячи воинов восточной стороны в построении “дерево сильнее земли” подступили к расположению варваров посередине, семь тысяч воинов южной стороны в построении “огонь сильнее металла” кинулись на варваров западной позиции, семь тысяч воинов северной стороны в построении “вода сильнее огня” теснили варваров южной позиции, пять тысяч воинов середины в построении “земля сильнее воды” одолевали варваров северной позиции. *Земля и небо дрожали, словно рушились горы или клокотал океан*. Хун снова *ударил в барабаны* и взмахнула черным флажком, – тотчас открылись все ворота, и, не выдержав натиска всесильной Хун, бесы и демоны кинулись прочь из минского стана, давя и тесня друг друга»; «И вот *загремели барабаны, запели трубы* – с великим шумом Ян пошел на приступ Улюйдуна. Варвары со знаменами Начжа отворили восточные ворота, началась рукопашная схватка» («Сон...» 1982: 217, 165), а также ЗВУКИ ПОБЕДЫ одних: «Вино текло рекой, *бряцало оружие, гремели, словно раскаты грома, радостные*

*возгласы*. Наконец возле шатра инспектора *ударил в гонг* – это было сигналом к завершению торжества. Воины поспешили по домам. Их и так уже тянули за руки, за рукава отцы и матери, жены и дети – одни *смеясь*, другие *плача от радости*, – заждавшиеся своих детей, мужей, отцов»; «Реют знамена, *грохочут барабаны, трубят трубы, земля содрогается от клича победы... Шум победы* возносился к небесам и разлетался по земле» (Там же: 313, 207) и ПОРАЖЕНИЯ других: «Отряд варваров преградил дорогу, охрана бросила повозки и разбежалась. Мани с *гиканьем* погнали повозки в свой стан. Но не проехали они и трех ли, как *раздался* такой *страшный грохот*, что варвары попадали с коней на землю. Это Ма Да и Дун Чу окружили врагов...»; «И *содрогнулись земля и небо*, в воздухе запахло порохом, *вершины гор сотряслись от великого шума* – варвары смешали ряды и бросились удирать врассыпную» (Там же: 171, 418).

Перед сражением эмоционально-психологическое напряжение достигает своего пика:

«Время близилось к пятой страже. *Стан гудел, как потревоженный улей, бурлил, как вода в котле*» (Там же: 198). Собраться, настроиться на битву воинам помогала *музыка, звучание музыкальных инструментов*: «Он вынул из-под кольчуги *флейту* и *заиграл* спокойную, величавую, как необъятная ширь, *мелодию* – и стан мигом *затих...* От этой музыки рассеивалась без следа печаль, и в душу возвращалось спокойствие. Ян убыстрил ритм и *проиграл бурную мелодию* – она призвала к оружию. И свершилось чудо! Музыканты *ударил в барабаны*, воины схватились за мечи и готовы были тотчас же ринуться в бой» (Там же: 191–192).

В литературе нами зарегистрирован СИГНАЛ НАЧАЛА боевых действий:

«Услыша *сигнал*, возвещавший начало атаки, Док Чун больше не думал о вражеском часовом, оставленном в канаве» (Пак Ун Голь 1962: 237).

Во время сражений люди издают различные *ЗВУКИ*, свидетельствующие об их напряженном *ЭМОЦИОНАЛЬНОМ СОСТОЯНИИ*: «И следом *грянуло громовое “Мансе!”*, заглушившее *треск выстрелов*» (Пак Ун Голь 1962: 162); «Тосе было упал, но тут же вскочил и с *громоподобным рыком* вырвался из кольца» («Сон...» 1982: 284), а также *боевые кличи*: «Разъяренный Тосе *издал боевой клич*, засверкал своими глазищами-плошками, дернул себя за бороду и ринулся на Лэя – вот-вот раздавит его» (Там же: 283).

Издаваемые участниками сражений звуки также представлены *СТОНАМИ, КРИКАМИ* и др.:

«...не смолкают крики арестованных, стоны раненых» (Ким Джэгию 1985: 279); «Солдат завопил и упал навзничь. Каска откатилась в сторону, зазвенела о камни... тот захрипел» (Пак Ун Голь 1962: 53).

В третью группу входят *ЗВУКИ ЖИВОТНЫХ*, которые участвовали в военных действиях, сражениях или просто были их свидетелями:

«Конь согласно ударил копытом и протяжно заржал. Хун подняла вверх оба меча и полетела на врага»; «Зазвенели мечи и копья, от громких криков птицы и звери в ужасе ринулись вниз, в долину. Неожиданно высоко в небе показалась пара белых лебедей» («Сон...» 1982: 294, 472).

Военные действия вызывают *ШУМОВОЕ ЗАГРЯЗНЕНИЕ* окружающей среды:

«Наконец Хун отошла на шаг от всех, подняла мечи, закружилась на месте и вдруг исчезла из виду, только легкая дымка взвилась над тем местом, где она стояла. А с неба донесся *звон мечей*. Все подняли головы и видят: голубая дымка опустилась к земле и окутала деревья в саду. И тут листья начали падать вниз, неведомо откуда налетел ветер, подхватил их и закружил. От этого очнулись спавшие в кустах павлины, самец и самка, в испуге стали размахивать крыльями и топтаться на месте, не зная, куда спрятаться *от пронзительного звона*. Птицы к востоку – *звон* раздается на востоке, птицы на запад – и там *звенят мечи*; и на севере и на юге *звенят мечи* и мелькают над землей острые клинки. *Жалобно кричат и хлопают крыльями, мечутся павлины*. Наконец бросились искать спасения к людям, и госпожа Те скрыла их под своей накидкой. Тут же над ее головой *раздался свист и лязг*: вне себя от страха, она оставила павлинов и подбежала к принцессе» («Сон...» 1982: 566).

Четвертую группу составили *ЗВУКИ ПРИРОДЫ*, «свидетели» военных действий:

«Воины наконец достигли главного пика, где *бушевал свирепый ветер*, который вырывал с корнем деревья, швырялся камнями, засыпал глаза песком. Ядовитый пар поднимался из расщелин»; «В гневе Тосе кинулся на обидчика, и начался бой. Свыше ста раз сходились они. Огненный князь прыгал, словно тигр, Тосе наваливался на князя, как медведь. *Сотрясались холмы и горы, грохотали земля и небеса*»; «Императрица назначила сановного Иня командующим крепости, под начало которого вместе с местными войсками попали теперь уже шесть-семь тысяч воинов. Старый Ян стал первым помощником Иня, Лотос – начальником основного отряда и стражем Дворца Долгой Осени, Сунь Сань возглавила замыкающий отряд... Как-то под вечер император позвал слугу и поднялся в павильон посмотреть на море. *До самого неба вздымались волны. Они с ревом накатывали на берег, и не было видно*

им конца. *Море бурлило, словно в нем насмерть бились киты или водные чудовища*»; «Скоро войско подошло к Кипящей реке: *вода* в ней искрилась под лучами яркого солнца и *бурлила*, как *кипяток*. Над рекой клубился пар, даже приближаться к ней было страшно. Хун велела разбить стан и дожидаться ночи. Когда стемнело, она вышла на берег и стала ждать. Вот водяные часы показали полночь — и *река затихла* и тут же покрылась льдом. Хун приказала не мешкая переходить реку» («Сон...» 1982: 464, 303, 404, 274).

### Тишина

Особую роль в переводных произведениях с корейского играет *ТИШИНА*.

Следует отметить, что *ТИШИНА* в корейских произведениях никогда не бывает полностью беззвучной, она тоже насыщена жизнью. Так, описание тишины, как состояния природы, необыкновенно «разнолико». *ЗВУКИ, НАРУШАЮЩИЕ ТИШИНУ* в природе, могут:

– нести РАДОСТЬ и выступать в качестве ЗНАКОВ ВЕСНЫ: «Вокруг было *тихо*. Только легкий *ветерок шумел* в кронах деревьев, да слышалось *щебетание птиц*» (Ким Джэгю 1985: 143);

– подчеркивать некую ГРУСТЬ в связи с наступлением ОСЕНИ, а также служить знаками этого времени года: «Стояла поздняя осень. *Тишину* вокруг нарушал лишь прощальный *крик журавлей*» («Феи Алмазных гор» 1991: 91);

– передавать ПЕЧАЛЬ УТРАТЫ: «Стоит в горах пустынных *тишина*, // Лишь слышится печальный *крик кукушки* // Возвысилось и пало царство Шу, // И то, что миновало, не вернется...» (согласно китайскому преданию, *кукушка* в горах – это душа правителя древнего царства Шу, отказавшегося от престола, удалившегося в горы и скончавшегося от тоски по родным местам) («Бамбук в снегу» 1978: 128, 297);

– являться СВЯЗУЮЩИМ ЗВЕНОМ между НАСТОЯЩИМ и БУДУЩИМ: «С высокой башни, что царит доньне // Над громкой славою восьми веков, // Литого *колокола* дальний *звук* // Плывет ко мне в беседку над обрывом, // Разносится *над тишиной* полей, // Сливается с безмолвием вечерним...» («Бамбук в снегу» 1978: 95);

– быть эмблемой некой ТРЕВОГИ: «*Пронзительный собачий лай* нарушил безмолвие ночи» (Кон Сонок 2011: 136);

– олицетворять ПОКОЙ и УМИРОТВОРЕНИЕ: «Миновав ворота Хрустального дворца, она очутилась в открытом море. Кругом все *тихо* – *ни шороха ветра, ни шума дождя. Мерно плещутся волны...*» («Верная Чхунхян» 1990: 237).

Нарушение *ТИШИНЫ* природы людьми ведет к определенному «звуковому» дисбалансу, однако скоро восстанавливаемому:

«Они ушли, и снова все вокруг стало *тихо*, только издалека слышались настойчивые удары дятла о сухой ствол дерева»; «Воцарилась *тишина*. Только *потрескивал костер*» (Пак Ун Голь 1962: 86, 104).

Не все звуки в мире нарушают гармонию *ТИШИНЫ*, некоторые делают ее более насыщенной:

«А на земле было *тихо*. Казалось, что *звуки волн*, бьющихся вдалеке о камни, делали *тишину* вокруг меня еще более полной» («Клуб фантазий» 2011: 61).

Звуки участвуют в создании контраста. Это, как правило, сталкивание *ТИШИНЫ* и *ЗВУКОВ*. Так, *ТИШИНА* противопоставляется городскому *ШУМУ*:

«Здесь не было слышно *городского шума*, место было уединенное и *тихое*» (Чхе Ин Хун 2002: 107).

Люди, живущие в горах и привыкшие к тишине, страдают от городского шума:

«Жители гор любят *тишину*, а на пирах очень *шумно*. Если вы отведете мне скромные, *тихие покои*, я вместе со своим ординарцем буду вполне доволен» («Сон...» 1982: 190).

Радостная, полная надежд на будущее жизнь мирного времени в корейской литературе противопоставлена *ТИШИНЕ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ*, тревожной, пугающей, «мертвой», в основном связанной со страданиями, горем, потерями и разочарованиями:

«В мирное время каждую ночь здесь зажигались гирлянды электрических лампочек, и окрестность оглашалась *гулом машин*, но сейчас кругом стояла *мертвая тишина*» (Пак Ун Голь 1962: 136).

Война – это не только разрушения, это и смена привычного уклада жизни людей, в котором на одном из первых мест всегда была работа.

*ЗВУКИ «МИРНОЙ ЖИЗНИ»* отождествлены с разного рода «производственными» *ШУМАМИ*:

«*Тишину* нарушали *отзвуки ударов* парового молота» (Там же: 24).

В годы войны деятельность многих предприятий была приостановлена и воцарилась *ТИШИНА ЗАПУСТЕНИЯ*:

«Долина *притихла*. Замерла узколейка»; «Не зажигая огня, сидела в темноте, прислушиваясь к каждому *шороху*. Не слышно было *глухих вздохов копра*, *скрежета вагонеток с углем*, мерного *постукивания моторов* электростанции. *Все замерло*. Шахта перестала жить, осталась от нее одна пустая скорлупа. И только»; «Жизнь на шахте *замерла*. Грузенные углем вагонетки застыли на полдороге, бабьи безжизненно повисли в воздухе... *Смолкли* ритмичные *вздохи компрессорной установки*» (Там же: 25, 49, 27).

*ТИШИНУ «ВОЕННУЮ»*, как правило, нарушают *ЗВУКИ ВЫСТРЕЛОВ*: «И вдруг снова *выстрелы*. Пули *просвистели* где-то рядом. Потом мертвая

*тишина*» (Там же: 129), пугая не только людей, но животных: «Но кругом было *тихо*, ни *единого шороха*. Только испуганные *выстрелами* птицы *с шумом* вылетали из гнезд» (Там же: 129).

Иногда *НАПРЯЖЕННАЯ ТИШИНА* в ожидании начала боя прерывается вполне «*МИРНЫМИ*» *ЗВУКАМИ*:

«Кромешная тьма и жуткая *тишина* угнетали. Отчетливо слышно было *падение каждой капли воды*, сочившейся с потолка и стен» (Там же: 90).

Послевоенное время может поражать отсутствием привычных *ЗВУКОВ* некоторых представителей животного мира:

«Вскоре император вновь обосновался во дворце, который ничуть не пострадал от нашествия. Но город опустел, только редкие прохожие попадались на улицах, во дворах не слышно было *пения петухов* и *лая собак*» («Сон...» 1982: 456).

*ТИШИНА*, вдруг воцарившаяся за дверями операционной, может не только настораживать, но и пугать близких друзей или родных пациента:

«Девушки снова подошли к дверям центральной операционной. Оттуда не доносились *ни звука*. Стояла какая-то *пугающая тишина*» (Ким Джэгу 1985: 320).

*ТИШИНА*, прерываемая *ЗВУКАМИ ИЗ МИРА ПРИРОДЫ*, может связываться и с прекращением отношений двух супругов, уходом одного из них:

«Когда автомобиль Исопа выехал со двора, там на какое-то время *воцарилась гробовая тишина*. Пока был слышен *шум двигателя*, все продолжали стоять в оцепенении, словно превратились в неодушевленные предметы. Только *сороки нагло кричали*, раскачиваясь на тонких ветвях бамбука» (Кон Сонок 2011: 126).

### Мелодии/Музыкальные инструменты

В дальневосточных переводных произведениях достаточно часто упоминаются различные популярные в прошлые века традиционные корейские *МЕЛОДИИ*, а также *МУЗЫКАЛЬНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ*, на которых они исполнялись. Причем употребляются как корейские названия музыкальных инструментов, так и их русские эквиваленты.

*МУЗЫКАЛЬНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ*, встречающиеся в дальневосточной литературе, можно подразделить на три вида. Это *СТРУННЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ* (*каягым*, *комунго*, *цитра* и др.): «Зеленый холм у синего ручья, // А над ручьем в тумане – деревушка, // Наверное, тебе известно, чайка, // О чем отшельник размышляет здесь, // Когда в окно его глядит луна, // Слышны из дома *звуки каягыма?*»; «Одну *струну на комунго* я тронул... // И жалобно *заплакала струна*» («Бамбук в снегу» 1978: 77, 85); «Вдруг

ветерок донес нежные звуки *цитры*» (Ким Манчжун 2010: 194); ДУХОВЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ (*свирель, дудка, флейта* и др.): «Она нежно взяла в руки *свирель*, похожую на распутившуюся орхидею, поднесла к устам и *заиграла*» («Цветы сливы...» Т.1, 1998: 125); «Вдруг *камышовой дудки* слышу *свист...*» («Корейская классическая поэзия» 1956: 124); «Ян улыбнулся, поднес *флейту* к губам, и раздался красивый чистый звук!» («Сон...» 1982: 118); УДАРНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ (*гонги, барабаны* и др.): «*Грохот гонгов и барабанов, гром победных песен*, казалось, могли обрушить горы и опрокинуть моря» («Записки...» 1985: 230).

В качестве ударного инструмента использовали и СУШЕНУЮ ТЫКВУ:

«Как-то он раздобыл огромную *сушеную тыкву*, на которой *играют* во время танцев бродячие актеры» («Корейские предания и легенды...» 1980: 121).

МУЗЫКАЛЬНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ трех видов зарегистрированы нами в одном контексте:

«Пусть *комунго, и барабан, и флейта* // *Перекликаются и в лад звучат*» («Бамбук в снегу» 1978: 113).

Человек не расстается с музыкальными инструментами и в горестные минуты своей жизни:

«Положив на колени *комунго* из угуна, она стала *наигрывать мелодию* в тоске ожидания» («Чхунхянджон Квонджиган» 1968: 37); «Красавица молча улыбнулась и снова *заиграла* что-то, терзающее душу печалью»; «И тут Хун, сняв руку с малых струн, положила пальцы на большие, и полилась третья *мелодия, мелодия горя*» («Сон...» 1982: 115–116, 78).

Отшельник, давно покинувший мир «суеты», скрашивает часы своего одиночества ИГРОЙ НА МУЗЫКАЛЬНОМ ИНСТРУМЕНТЕ:

«*На цине* с украшением из яшмы // *старинные мелодии играю.* // Теперь забыты *звуки* прежних *песен*, // И наслаждаюсь ими я один» («Бамбук в снегу» 1978: 83).

ЗВУКИ МУЗЫКИ сопровождают появление БОЖЕСТВЕННЫХ СУЩЕСТВ:

«Внезапно откуда-то появилось пятицветное облако, в замке *громко заиграла музыка*, и вот уже с облака торжественно спускается богиня Яшмовой столицы, держа в правой руке красный цветок корицы, а в левой – лазоревый цветок персика» («Повесть о Сим Чхон» 1960: 226); «Только он кончил моление, как вдруг из странной дымки *послышались звуки комунго*. Сёный поднял глаза и видит – на банановом листе плывет бессмертный в зеленом платье и *играет на комунго*. А другой, в черной головной повязке, плывет на ките и воспекает “ветер и луну”» («Повесть о Чёк Сёные» 1996: 77).

Названия музыкальных инструментов упоминаются в образных сравнениях:

«Только об одном и мечталось мне в моих думах: найдет себе дочка феникса, будут они жить друг с другом ладно да складно, как *цитра с лютней...*» («Корейские повести» 1954: 168).

В тексте литературного произведения *ЗВУЧАНИЕ МУЗЫКАЛЬНЫХ ИНСТРУМЕНТОВ* передают онаматопои:

«*Тра-ра-ра* – трубила труба. *Та-та-та* – вторил рожок»; «В длинных одеждах и шапочках, с гонгами, деревянными колотушками, бамбуковыми трещотками и цимбалами, собрались они для общего моления. *Ту-ри-тун-тун*, – раздался удар барабана. *Кван-кван*, – ответил гонг. *То-до-рак*, – отозвались деревянные колотушки. *Чхаль-чхаль*, – послышался звук бамбуковых трещоток. *Ттан-ттан*, – прогудел металлический гонг. *Чхо-ры-ры*, – вторили ему цимбалы» («Корейские повести» 1954: 114, 151); «А между тем звонкое, как *всплеск струн каягыма*, “*тан-дон*” гуляло уже по всему дому» («Верная Чхунхян» 1990: 186).

#### Выводы

Как показали исследования, в моделировании литературного «*ЗВУКОВОГО*» ПОРТРЕТА Кореи значительное место занимают описания *ЗВУКОВ, КОТОРЫЕ ПРОИЗВОДЯТ ЛЮДИ* (человеческий *голос*, *звуки*, издаваемые человеком в определенных эмоциональных состояниях, *звуки*, сопровождающие какие-либо физиологические процессы (*дыхание*, *храп* и др.), а также *ЗВУКИ ДОМА, ГОРОДА, ДЕРЕВНИ* и др.

В корейской литературе нашли отражения разного рода *ЗВУКИ* и *ЗВУКОВЫЕ ЭФФЕКТЫ*, присущие *ВОЙНАМ*.

Особое внимание в переводных произведениях с корейского уделяется *ТИШИНЕ*.

Для передачи *ЗВУЧАНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ГОЛОСА, МУЗЫКАЛЬНОГО ИНСТРУМЕНТА* и т. д. используются различные методы, такие, например, как введение в текст произведения:

1. стереотипных речений гиперболического характера;
2. так называемых дополнительных «примет», необходимых для создания законченной картины образа;
3. образных сравнений как способа углубления звука;
4. разного рода онаматопои и др.

Заметим, что образные сравнения, в основе которых лежат национально-специфические образы и символы, принятые в данном языковом социуме, стереотипные речения гиперболического характера, в которых малое сравнивается с огромным, а также междометия и онаматопои, «фонетические “изображения” нечленораздельных звуковых явлений» [Влахов, Флорин 1986: 315], встречающиеся в переводных произведениях, придают тексту перевода весьма яркий национальный колорит.

## Литература / References

1. *Влахос С., Флорин С.* Непереводимое в переводе. М.: Высшая школа, 1986.
2. *Троцевич А.Ф.* История корейской традиционной литературы. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2004.
3. *Филимонова Е.Н.* Звуковая «картина» дальневосточной природы (на материале переводов с корейского и китайского языков) // Язык, сознание, коммуникация. М.: Макс-Пресс (МГУ), 2012. Вып. 45. С. 39–56.

## Источники / Sources

4. Бамбук в снегу. Корейская лирика VIII–XIX веков. М.: Наука. Гл. ред. восточ. литер., 1978.
5. Братья Хынбу и Нольбу // Верная Чхун Хян. Корейские повести XVII–XIX веков. М.: Худож. литер., 1990.
6. Верная Чхун Хян. Корейские повести XVII–XIX веков. М.: Худ. лит., 1990.
7. Записки о добрых деяниях и благородных сердцах. Л.: Худож. литер. (Ленингр. отд.), 1985.
8. Золотая птица Гаруда. Рассказы современных корейских писателей. СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1994.
9. История о верности Чхун Хян. Средневековые корейские повести. М.: Изд-во восточ. литер., 1960.
10. История цветов. Корейская классическая проза. Л.: Худ. лит. (Ленингр. отд.), 1999.
11. Ким Джэгу. Счастье. М.: Радуга, 1985.
12. Ким Донни. Плач сороки. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2010.
13. Ким Ман Чжун. Облачный сон девяти. Роман. М.-Л.: ГИХЛ, 1961.
14. Ким Манчжун. Сон в заоблачных высях. СПб.: Гиперион, 2010.
15. Клуб фантазий. Современная корейская проза. СПб.: Гиперион, 2011.
16. Кон Сонок. Приходите на поле гаоляна. СПб.: Гиперион, 2011.
17. Корейская классическая поэзия. М.: Гос. Изд-во худож. литер., 1956.
18. Корейские повести. М.: ГИХЛ, 1954.
19. Корейские предания и легенды из средневековых книг. М.: Худож. литер., 1980.
20. Ли Ги Ен. Земля. М.: Изд-во иностр. литер., 1958.
21. Ли Чхончун. Песни Западного края. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2010.
22. Пак Ун Голь. Отечество. Роман. М.: Изд-во иностр. литер., 1962.
23. Повесть о Сим Чхон // История о верности Чхун Хян. Средневековые корейские повести. М.: Изд-во восточ. литер., 1960. С. 179–244.
24. Повесть о Чёк Сёные (Чёк Сёный Чён). СПб.: ПФИВ РАН, 1996.
25. Повести страны зеленых гор. М.: Гос. Изд-во худож. литер., 1966.
26. Сказание о Чхунян. М.: «Бонфи», 2003.
27. Сон в нефритовом павильоне. М.: Худ. лит., 1982.
28. Сон Хён. Гроздь рассказов Ёнчжэ // Петербургское востоковедение. СПб.: Центр Петербург. Востоковедение, 1994. Вып. 5. С. 25–109.
29. Тайное письмо. Рассказы корейских писателей. М.: Детгиз, 1960.
30. Тэ Мен Хи. Нактонган. М.: Советский писатель, 1966.
31. Феи Алмазных гор. Корейские народные сказки. М.: Худож. литер., 1991.
32. Цветы сливы в золотой вазе или Цзинь, Пин, Мэй. М.: Терра-книжный клуб. В 2-х томах. 1998.
33. Черепаховый суп. Корейские рассказы XV–XVII вв. Л.: Худож. литер., 1970.
34. Чонг Хён Жонг. Так мало времени для любви. СПб.: Русско-Балтийский информационный центр «Блиц», 2000.

35. Чхе (Цой) Ин Хун. Площадь. М.: «Готика», 2002.
36. Чхунхянджон Квонджитан. («Краткая повесть о Чхун Хян»). Факсимиле ксилографа. М., 1968.
37. Ын Хигён. Тайна и ложь. М.: Время, 2010.

**Язык, сознание, коммуникация:** Сб. статей / Отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. – М.: МАКС Пресс, 2014. – Вып. 48. – 76 с. ISBN 978-5-317-04681-1